

Кризисъ Безбожія.

Глава первая.

Историческое время, выпавшее намъ на долю, исполнено великаго и глубокаго значенія: это эпоха чрезвычайной насыщенности, напряженности, эпоха крушенія, подводящаго итоги большому историческому періоду; это время испытанія: совершается какъ бы нѣкій историческій и духовный смотръ, жизненная ревизія человѣческихъ духовныхъ силъ, укладовъ и путей.

Такъ, какъ если бы нѣкій великій судія сказалъ современному человѣчеству: «Вотъ, я поущу силамъ зла и соблазна, силамъ испытующимъ и совращающимъ; и онѣ развернутъ ученіе свое и строительство свое, а ты — имъ въ отвѣтъ — откроешь душу свою и покажешь лицо свое; и будетъ великій судъ надъ ними — по дѣламъ и плодамъ ихъ; и надъ тобою — по исповѣданію и противленію твоему».

И вотъ, согласно этому, неслышно изрекшему, но столь остро внятному намъ въ событіяхъ гласу, наше время развернуло передъ нами сразу: величайшій подъемъ воинствующаго безбожія и строжайшій судъ надъ выношенной человѣчествомъ за послѣдніе вѣка и тысячелѣтія религіозностью.

А если охватить весь процессъ сразу единымъ выраженіемъ, то передъ нами развернется единственный въ своемъ родѣ кризисъ безбожія.

Слово кризисъ есть первоначально слово греческое. Оно происходитъ отъ «крино», что значитъ «сужу». Кризисъ обозначаетъ такое состояніе человѣка, его души или тѣла, или дѣлъ и событій, въ которомъ выступаютъ скрытыя силы и склонности; онѣ развиваются, развертываются, осуществляютъ себя, достигаютъ своего максимальнаго напряженія и проявленія, своей высоты и полноты и тѣмъ самымъ обнаруживаютъ свою настоящую природу: онѣ какъ бы произносятъ сами надъ собою судъ и переживаютъ поворотный пунктъ; это ихъ переломъ, переваль; часъ, въ который рѣшается ихъ жизненная судьба; это время ихъ буйнаго расцвѣта, за которымъ начнется — или ихъ преодоленіе и крушеніе, или же умираніе того человѣка или того человѣческаго дѣла, которое было достигнуто кризисомъ.

Вотъ что я хочу сказать, говоря о кризисѣ безбожія. Какъ бы ни были тягостны для каждаго изъ насъ событія, вызванныя этимъ кризисомъ, мы не должны ни растеряться подъ ихъ ударами, ни предаваться духовной слѣпотѣ. Рады мы или не рады, что родились въ такую эпоху и что кинуты всевластною рукою въ этотъ омутъ испытаній и опасностей, — мы призваны быть участниками, не просто пассивными жертвами, объектами, но активными участниками, волевыми субъектами этого процесса. А для этого мы должны понять, въ чемъ состоитъ глубокій смыслъ нашего историческаго положенія; чего требуетъ и ждетъ отъ насъ Судія, вызвавшій насъ на судъ; какія силы имѣются у насъ, и какъ намъ съ ними быть и обходиться; и какъ намъ приложить ихъ къ тому историческому дѣлу, участниками коего мы оказались. Мы должны понять смыслъ міровыхъ событій. Уразумѣть, что смыслъ ихъ выражается этими двумя словами: кризисъ безбожія. И рѣшить, какое мѣсто мы призваны

занять въ этомъ развертывающемся передъ нами процессѣ; гдѣ во всемірномъ масштабѣ выступили скрытыя доселѣ силы безбожія; гдѣ онѣ развернулись и достигли небывалой еще высоты, полноты, откровенности и напора, гдѣ онѣ впервые обнажили свою настоящую природу, и вотъ на нашихъ глазахъ какъ бы произносятся сами надъ собою судъ, рѣшая свою судьбу, а вмѣстѣ съ тѣмъ и судьбу всего человѣчества.

Видимъ ли мы это? Разумѣемъ ли эти событія? И если видимъ и разумѣемъ, то гдѣ мы сами сердцемъ и волею?

И прежде всего — въ самомъ протеканіи этого кризиса нѣтъ ли такихъ явленій и признаковъ, по которымъ мы могли бы предвидѣть его исходъ?

Въ чемъ состоитъ этотъ кризисъ?

Если мы вдумчиво вслушиваемся въ то, что говорятъ современные отрицатели Бога, то увидимъ, что ихъ позицію можно свести къ двумъ пунктамъ:

I. Нѣтъ никакого основанія признавать бытіе Бога:

II. Вѣра въ Бога не только неосновательна и не нужна, но еще и жизненно вредна.

Все остальное, что они говорятъ, сводится именно къ этимъ двумъ пунктамъ, къ ихъ развитію и детализаціи.

Одни высказываютъ это въ благовоспитанной формѣ салоннаго скептицизма; другіе въ неделикатной формѣ иронической насмѣшки, третьи въ агрессивной формѣ револьвернаго выстрѣла или динамитнаго взрыва. Но всѣ имѣютъ въ виду именно эти два тезиса: вѣра въ Бога есть неосновательное суевѣріе, предразсудокъ или лицемѣріе; вѣра въ Бога вредна человѣчеству (или пролетаріату), задерживая его прогрессивное развитіе (или его классовую борьбу за водвореніе социализма или коммунизма). Или еще проще, грубѣе и яснѣе: вѣрить въ Бога — глупо, вѣрить въ Бога — вредно. Эти утвержденія можно затаить въ себѣ какъ свое личное, частное воззрѣніе, — какъ дѣлали въ XIX вѣкѣ многіе русскіе интеллигенты изъ вольтеріанцевъ; тогда эти тезисы подчасъ видоизмѣнялись, на примѣръ: вѣрить въ Бога глупо, а умному человѣку и вредно; но широкой массѣ, которая глупа, это глупое занятіе можетъ быть даже полезно, чтобы она смирялась, не звѣрѣла и послушно работала.

Современная міровая революція не могла и не захотѣла принять эту послѣднюю оговорку: ея тезисъ прямолинейнѣе и послѣдовательнѣе: вѣрить въ Бога — глупо и вредно для всякаго человѣка; особенно же для массы, ибо она какъ разъ и не должна — ни смиряться, ни покорно работать. Масса призвана къ возстанію — ей особенно глупо и особенно вредно вѣрить въ Бога; ей необходимо безбожіе; нечего ждать, пока она сама потеряетъ вѣру, безбожіе должно быть ей навязано въ порядкѣ государственной диктатуры — аргументомъ, воспитаніемъ, подачками, истребленіемъ духовенства, разрушеніемъ церквей, терроромъ. Разногласія среди безбожниковъ имѣются, ихъ нельзя замолчать. Но основная мысль одна: глупо и вредно. И вотъ кризисъ современнаго безбожія состоитъ въ томъ, что люди обречены изжить до конца, до дна, дотла эти утвержденія о глупости и вредности вѣры въ Бога. Вжить ихъ въ жизнь — въ культуру, въ нравственность, въ политику, въ хозяйство, въ строй семьи, въ педагогику, въ дипломатію, въ науку; внести ихъ содержаніе во всѣ углы и закоулки человѣческой цивилизаціи, заставляя ее обновиться и переродиться подъ воздѣйствіемъ этой новой «премудрости». И на дѣлѣ, на послѣдствіяхъ этого перерожденія убѣдиться и доказать — въ какой духовной темнотѣ пребывало доселѣ человѣчество и особенно такъ называемое «буржуазное» человѣчество.

Ну что же? Мы слышали этот двойной тезисъ: «глупо» и «вредно». Позиція вычерчена. Формула дана. Вызовъ брошенъ. Отъ насъ ждуть отвѣта. Определеннаго, яснаго, честнаго. Нѣтъ, этого мало. Мы должны дать отвѣтъ не только ясный и честный, но еще объясняющій и убѣдительный. Мы должны объяснить, — какъ это случилось, что люди дошли до такой, скажемъ, «премудрости»; объяснить себѣ самимъ и грядущимъ поколѣніямъ, и имъ, этимъ просвѣтителямъ вселенной, которые увѣряютъ всѣхъ, что несутъ людямъ высшее міросозерцаніе и общественное освобожденіе.

И затѣмъ мы должны дать отвѣтъ убѣдительный — т. е. доказать, что вѣровать въ Бога не глупо и не вредно, и доказать, что, наоборотъ, именно безбожіе есть дѣло глупѣйшее и вреднѣйшее изъ всѣхъ, затѣвавшихъ человѣчествомъ.

Мы понимаемъ, что можно не имѣть вѣры или утратить ее; и это не глупость, а несчастіе; и этому несчастію можно и должно помочь. Но безбожіе какъ правило жизни и программа жизни — какъ планъ прогресса, счастья, жизнеустроенія — есть жалчайшая изъ глупостей и погибельнѣйшая изъ вредностей, посѣщавшихъ человѣческую голову.

Итакъ, за дѣло.

Объяснимъ, какъ могло это случиться, что въ XX вѣкѣ послѣ Рождества Христова люди начали вопить на весь міръ о глупости и вредности вѣры въ Бога? Историческое освѣщеніе этого процесса потребовало бы большого изслѣдованія, которое не можетъ умѣститься въ рамки одной лекціи. Но сущность дѣла сводится къ слѣдующему.

За послѣдніе вѣка человѣчество оскудѣло внутреннимъ, духовнымъ опытомъ и прилѣпилось къ внѣшнему чувственному опыту; сначала верхніе, ученые слои утвердились на томъ, что самое достовѣрное, драгоценное знаніе идетъ къ намъ отъ внѣшнихъ, матеріальныхъ вещей и приходитъ къ намъ черезъ зрѣніе, слухъ, осязаніе, обоняніе и черезъ ихъ физическую или механическую провѣрку измѣреніемъ (вѣсъ и объемъ), подсчетомъ, количествомъ и формальнымъ, логическимъ разсужденіемъ, а потомъ, такъ какъ добытыя такимъ путемъ свѣдѣнія о матеріальной природѣ совершили огромные техническіе и хозяйственные перевороты и вовлекли въ нихъ широкіе слои интеллигенціи и полуинтеллигенціи, — то эта обращенность къ чувственному, внѣшнему, матеріальному опыту и эта отвращенность отъ нечувственного, внутренняго, духовнаго опыта опредѣлили собою душевный и умственный укладъ современнаго человѣчества.

Верхніе слои міровой интеллигенціи стали постепенно понимать, что это ошибка и ложный путь, но и то лишь отчасти, а средніе слои — поставляющіе учителей безбожія, и полуинтеллигенція — поставляющая учениковъ безбожія — укрѣпились въ этомъ укладѣ съ увлеченіемъ и даже ожесточеніемъ. Демократическій строй далъ прессу, вліяніе и власть именно этимъ слоямъ — и все оказалось предопредѣленнымъ. Но это лишь поверхностная сторона процесса. Намъ надо смотрѣть глубже.

Торжество чувственного, внѣшнематеріальнаго опыта надъ внутреннимъ и духовнымъ опытомъ привело къ тому, что люди обратились къ религіи и къ Богу съ чувственными мѣрилами и матеріальнымъ пониманіемъ. И результатъ этого только и могъ быть отрицательнымъ.

Всего точнѣе это можно было бы выразить такъ, что человѣкъ попытался воспринять Бога невѣрнымъ актомъ и не обрѣлъ Его; и не обрѣтя Его невѣрнымъ актомъ, объявилъ, что Его нѣтъ и что вѣрить въ Него глупо и вредно. Я попытаюсь сейчасъ разъяснить мою мысль до конца.

Тотъ, кто хочетъ увидѣть картину, долженъ смотрѣть глазами. Нелѣпо — завязать глаза чернымъ платкомъ, прійти въ картинную галерею, не услышать ни одной картины и уйти, заявляя, что все это обманъ или иллюзія и суевѣріе, ибо никакихъ картинъ нѣтъ.

Тотъ, кто хочетъ услышать сонату Бетховена, долженъ слушать ушами. Нелѣпо — залить себѣ уши воскомъ, прійти въ концертъ, не увидѣть глазами звуковъ сонаты и уйти, заявляя, что это все иллюзіи или обманъ, ибо никакой сонаты не было и нѣтъ.

Тотъ, кто захочетъ изслѣдовать природу логическаго понятія и вооружится для этого колбой, пинцетомъ, ланцетомъ и микроскопомъ, сдѣлаетъ нелѣпость и, потерпѣвъ явную неудачу, не будетъ имѣть никакого права говорить, что логика есть вздоръ или безпредметное суевѣріе.

Это я и выражаю словами: предметы, воспринимаемые человѣкомъ, различны, и каждый предметъ требуетъ отъ человѣка особаго воспріятія, другого подхода, другой установки — вѣрнаго акта.

У человѣка въ распоряженіи имѣются: а) во-первыхъ, зрѣніе, слухъ, вкусъ, обоняніе, осязаніе и слѣдующее за ними чувственное воображеніе; съ этими способностями связаны тѣлесныя ощущенія боли, наслажденія, голода, холода, тепла, тяжести; все это источники внѣшняго, чувственнаго опыта, который присущъ тѣлесному человѣку и открываетъ ему доступъ къ матеріальнымъ вещамъ внѣшняго міра; б) во-вторыхъ, у человѣка имѣются внутреннія, душевныя силы и способности, а именно: чувствованія, воля, тѣлесно не связанное воображеніе и мысль.

Итакъ: чувствованіе (такъ называемая «жизнь сердца») — пассивно страдающее чувствованіе — аффекты и активно изливающіяся чувства — эмоціи (таковы — любовь, ненависть, жалость, злоба, зависть, радость, печаль, негодованіе, покаяніе и т. д.); далѣе, воля — эта способность рѣшать, собирать свои внутреннія силы, направлять ихъ, руководить ими, воспринимать свои полномочія, обязанности и запреты и строить жизнь души и тѣла.

Человѣку дана еще способность воображать содержаніе и предметы невещественнаго характера, и притомъ воображать ихъ то вѣрно, то невѣрно. Къ такимъ предметамъ не вещественнаго порядка относятся: міръ человѣческой души и міръ духовнаго смысла, міръ добра, зла, грѣха и нравственнаго совершенства, міръ божественнаго откровенія, религіи и таинствъ. Все это человѣкъ переживаетъ нечувственнымъ воображеніемъ, созерцаніемъ, духовной интуиціей, и эта духовная интуиція отнюдь не есть что-то случайное, произвольное или чисто субъективное, напротивъ, она требуетъ большой внутренней сосредоточенности, упражненія, очищенія, планомѣрнаго и систематическаго осуществленія. Наконецъ, человѣку дана сила мысли, и эта мысль можетъ осуществляться совсѣмъ не только въ формахъ отвлеченнаго, плоскаго, формальнаго разсудка; нѣтъ, она имѣетъ еще и форму разума — не только не противорѣчащаго вѣрѣ, сердцу и духовной интуиціи, но творчески сочетающагося съ ними и вдохновенно проникающагося ихъ силами.

Все это составляет огромную и богатую сферу внутренняго, духовнаго опыта, который характеренъ для душевно-духовнаго человѣческаго естества и открываетъ ему доступъ къ духовнымъ предметамъ.

Такъ раскрывается передъ нами законъ человѣческаго опыта, нѣкая основная истина, согласно которой человѣкъ способенъ опытно воспринять предметъ только тогда, если онъ обратится къ нему вѣрно, — вѣрнымъ органомъ тѣла или души, или же и тѣла, и души вмѣстѣ, или же духа, т. е., какъ мы выражаемъ это философски, — вѣрнымъ актомъ.

Юристъ, воспринимающій и изучающій право, долженъ обратиться къ нему духовною волею и нечувственнымъ воображеніемъ.

Геометръ, воспринимающій чистыя протяженныя фигуры, долженъ обратиться къ нимъ особымъ созерцаніемъ чистой протяженности и аналитической мыслью.

И такъ всегда и во всемъ: особый актъ у скульптора, особый у музыканта, особый у геолога и особый у психолога. Каждому предмету соотвѣтствуетъ особый актъ вѣрнаго склада и строенія. Невѣрный актъ — не восприметъ предмета вовсе.

Но въ какомъ же неосновательномъ, nepозволительномъ, глупомъ положеніи будетъ тотъ, кто попытается воспринять предметъ невѣрнымъ актомъ и, потерпѣвъ неудачу, начнетъ утверждать, провозглашать, вопить, что такого предмета вовсе нѣтъ, что говорить о немъ можно только изъ глупости или отъ лицемѣрія?!

И вотъ именно въ такомъ nepозволительномъ положеніи находятся безбожники. Смотрите.

Когда они говорятъ: «Гдѣ Богъ? Покажите намъ Бога! Ему нѣтъ мѣста ни на землѣ, ни въ звѣздномъ пространствѣ! Гдѣ онъ находится? Для него нѣтъ мѣста». И когда мы не можемъ дать имъ отвѣта на этотъ нелѣпый и духовно безграмотный вопросъ, а они, видя наше затрудненіе, начинаютъ торжествовать и отрицать бытіе Божіе, говоря, по мѣткой и точной формулѣ Шмелева, что «все предразсудки брошены, небо раскрыто и протоколъ составленъ, что кромѣ звѣздной туманности ничего подозрительнаго не найдено» («На Пенкахъ»), то поистинѣ торжествуютъ они преждевременно и сослѣпу.

Богъ не есть матеріальная вещь, находящаяся въ пространствѣ; и человѣкъ, который не можетъ или не хочетъ воспринять что-нибудь другое, который не понимаетъ, что есть непротяженныя реальности, непространственное бытіе, нематеріальные предметы; человѣкъ, который на все замахивается вопросомъ — «гдѣ это находится?», который желаетъ все видѣть тѣлеснымъ глазомъ, осязать пинцетомъ или опредѣлять химической формулой, который желаетъ — «все похѣрити, что не можно ни взвѣсить, ни смѣрити», — этотъ человѣкъ подобенъ тому существу, которое не знало, откуда берутся желуди, и не знало именно потому, что не умѣло поднять вверхъ своей головы — или, по нашей терминологіи, не умѣло измѣнить свой воспріемлющій актъ. Смотрящій въ землю — не увидитъ звѣздъ. Прилѣпившійся къ внѣшнему опыту — не увидитъ реальностей внутренняго опыта. Человѣкъ, лишенный творческаго воображенія, — ничего не создастъ въ искусствѣ. Человѣкъ, подавившій въ себѣ совѣсть, — не отличитъ добра отъ зла (ибо совѣсть есть вѣрный органъ, вѣрный актъ воспріятія этихъ предметовъ). Безвольный человѣкъ не можетъ править государствомъ. Человѣкъ, искоренившій въ себѣ или растлившій въ себѣ духовное, — не восприметъ Бога.

Если представимъ себѣ на мигъ букашку о двухъ измѣреніяхъ, — имѣющую длину и ширину, но не имѣющую третьяго измѣренія — высоты, — и заключенную

въ очерченный кругъ, то увидимъ, что она не только не въ состояніи выползти изъ этого круга, но что она и представить себѣ не можетъ, какія бываютъ существа трехъ измѣреній. Дайте ей воображающей актъ трехмѣрнаго строенія — и она пойметъ, въ чемъ дѣло; дайте ей самой измѣреніе высоты — и она сама не пойметъ, передъ чѣмъ она доселѣ затруднялась. А если она, двумѣрное существо, пропадая въ кругу отъ своей двумѣрности, издѣвалась надъ нами, трехмѣрными наблюдателями, и самодовольно праздновала свой мнимый умъ и нашу мнимую глупость, — то, ставъ трехмѣрной, она, пожалуй, такъ сконфузится за свое прошлое поведеніе, что отъ стыда опять залѣзетъ въ свой заклятый двумѣрный кругъ. Ибо она пойметъ, что на самомъ дѣлѣ было «глупо» и «вредно». Однако намъ гораздо важнѣе, чтобы мы сами постигли позицію безбожника. Ибо, если безбожникъ въ заблужденіи и намъ надо его опровергнуть и обличить, то мы должны прежде всего уловить, что происходитъ въ его душѣ и отъ чего онъ исходитъ, когда провозглашаетъ вѣру въ Бога — «вредною глупостью». Чтобы побѣдить, надо изучить противника; чтобы помочь больному, надо постигнуть его болѣзнь. И вотъ наша первая задача и состоитъ въ томъ, чтобы постигнуть позицію безбожника лучше и вѣрнѣе, чѣмъ онъ самъ ее понимаетъ: ибо онъ предается ей слѣпо, упорно, неистово, а мы ее не принимаемъ, но, не принимая ее, мы должны ею владѣть.

Почему онъ отрицаетъ Бога и вѣру въ Него? Потому что въ его опытѣ нѣтъ мѣста для Бога. Онъ воображаетъ при этомъ, что его опытъ единственно вѣрный, здоровый, нормальный, образцовый, а мы утверждаемъ, что его опытъ, наоборотъ, — односторонній, скудный, урѣзанный, плоскій, ошибочный; и что, слѣдовательно, отсутствіе Бога въ его опытѣ — ничего не означаетъ, кромѣ того, что опытъ его скуденъ. И споръ съ нимъ возможенъ и будетъ побѣдоносенъ именно на этой плоскости: мы скажемъ ему — «что ищешь живого — съ мертвыми»? или — что ищешь духовнаго среди матеріальныхъ вещей? Обнови свой актъ — и увидишь Бога, а пока пытаешься воспринять Его невѣрнымъ актомъ, сужденія твои о Немъ будутъ глупы, жалки и неприличны.

„Богъ есть Духъ“ — и открывается только духовному опыту и внутреннему, духовному оку. А вы, отрицатели Бога, отвергаете духовность человѣка, провозглашаете сенсуализмъ, т. е. исключительное торжество чувственнаго опыта, и матеріализмъ, т. е. исключительное бытіе матеріи и тѣла. Уставившись на міръ чувственно-матеріальнымъ глазомъ, вы, конечно, не находите Бога, какъ не нашли бы его при такихъ условіяхъ и мы. Но вы не только сами ослѣпили свое око и оставили себѣ одни тѣлесные глаза, но стремитесь выколоть духовное око и у насъ; вы объявляете намъ — сначала осужденіе и пренебреженіе, а потомъ прямое гоненіе и смерть. И вызовъ вашъ мы принимаемъ, а угрозъ вашихъ не пугаемся. Мы должны показать, что мы зрячіе, и обличить вашу слѣпоту.

„Богъ есть любовь“ — и открывается только живому, любящему сердцу. А вы, отрицатели Бога, презираете начало любви какъ проявленіе сентиментальности и рабства и провозглашаете классовую ненависть какъ единственно вѣрный путь и кровавую, мстительную революцію какъ единственное спасеніе человѣчества. Уставившись на міръ и на людей сердцемъ, полнымъ страха, зависти и злобы, вы обращаетесь тѣмъ же самымъ актомъ къ Богу — и начинаете ненавидѣть и поносить и Его какъ существо злобное и угнетающее, и стремитесь навязать тѣ же чувства и то же воззрѣніе и намъ. А мы, въ отвѣтъ, должны показать, въ чемъ ваша ошибка и почему вы отрицаете Бога.

Какъ это просто и ясно: Богъ постигается духомъ и любовью, а потомъ, изъ духа и любви — Онъ созерцается нечувственнымъ воображеніемъ, совѣстью, волею и вдохновенной мыслью.

Люди, лишены духа и любви и не хотящіе или не могущіе жить ими, что могутъ сказать о Немъ? Только то, что Его нѣтъ; что вѣрить въ Него не слѣдуетъ, что это — глупо и вредно.

Почему глупо? Потому что неосновательно и суевѣрно. Зачѣмъ вѣрить въ то, чего нѣтъ? Умно ли это? Люди безъ всякаго основанія вѣрятъ въ ложные слухи. Умно ли это? Нѣтъ, глупо. Люди отъ суевѣрія вѣрятъ въ то, что встрѣтить похороны къ добру, а встрѣтить священника къ несчастью. Это суевѣрно и глупо. Вотъ также глупо вѣрить въ Бога, если Его нѣтъ. А безбожники увѣрены, что Его нѣтъ: ибо, говорятъ они, мы его не видимъ въ мірѣ внѣшнихъ вещей — значитъ, его нѣтъ, значитъ, вѣрить въ него глупо.

А почему вѣрить въ Него вредно? Потому что, по мнѣнію безбожниковъ, люди вѣрятъ отъ невѣжества и страха; вѣрятъ отъ страха и боятся отъ вѣры; и чѣмъ больше вѣрятъ, тѣмъ больше боятся. А страхъ, да еще неосновательный страхъ, унижаетъ человѣка, подрываетъ въ немъ вѣру въ свои силы, подрываетъ его вдохновеніе и творчество и отдаетъ его во власть того сословія — духовенства, которое питаетъ и поддерживаетъ въ немъ эту трусость. Страхъ есть порожденіе рабства и источникъ новаго порабощенія. А неосновательный страхъ вызываетъ сверхъ того еще покорную пассивность и нелѣпую надежду на то, что несуществующаго Бога можно умиловить, склонить на свою сторону и получить отъ него помощь. Поэтому — вѣра вредна прогрессу и свободѣ...

И вотъ, мы всѣ должны осознательно и окончательно убѣдиться въ этомъ — что мы вышли въ самый глубокий тылъ противника, вѣрно обозрѣли его основныя позиціи, научились говорить на его языкѣ и думать его мыслями и, главное — поняли его слабыя мѣста и его основныя, фатальныя для него ошибки.

Мы поняли, почему они не умѣютъ вѣрить въ Бога и почему они утверждаютъ, что эта вѣра глупа и вредна. Мы поняли, въ чемъ состоитъ тотъ глубокий кризисъ, который вызвалъ къ жизни современное безбожіе.

Цивилизованное человѣчество нашихъ дней оскудѣло духомъ и любовью и ожесточилось. Причины этого процесса глубоки и сложны — и заложены въ вѣкахъ; если свести ихъ къ единой формулѣ, то надо было бы сказать: торжество разсудка надъ вдохновеніемъ, расчета надъ сердцемъ, механическаго надъ органическимъ, внѣшняго опыта надъ внутреннимъ опытомъ.

Это торжество, это преобладаніе обнаружилось не только въ свѣтскихъ кругахъ и дѣлахъ, но и въ религіозно-церковно-христіанскихъ.

Внѣшнія причины содѣйствовали этому процессу: размноженіе и уплотненіе народонаселенія; революціонный выходъ массъ на поверхность жизни; техническія открытія, создавшія новую промышленность; развитіе капитала и связанная съ нимъ новая и обостренная классовая дифференціація; образованіе промышленнаго пролетаріата и крупныхъ городовъ, населеніе которыхъ отрывается отъ природы и покоряется машинной жизни; распространеніе полуобразованности и демократизаціи государствъ; дразнящіе, назойливые успѣхи матеріальной цивилизаціи и связанная съ этимъ всеобщая жажда комфорта и наслажденій; и многое другое, чего я не могу здѣсь даже и перечислить.

Все это вело и ведетъ къ одному — къ оскудѣнію человѣчества въ духѣ и любви.

Духовенъ человѣкъ постольку,
поскольку онъ живетъ внутреннимъ опытомъ, а не только и не просто внѣшнимъ, тѣлесно-чувственно-матеріальнымъ,

поскольку онъ умѣетъ отличать — нравящееся, пріятное, дающее наслажденіе отъ того, что на самомъ дѣлѣ хорошо, объективно-прекрасно, истинно, нравственно, художественно, справедливо, совершенно, божественно,

поскольку онъ, различая эти два ряда цѣнностей, умѣетъ прилѣпляться къ совершенному, предпочитать его, насаждать его, добиваться его, служить ему, беречь его и въ случаѣ надобности умирать за него.

И вотъ, во всеобщей погонѣ за пріятностями и удовольствіями, современное человѣчество растеряло это духовное измѣреніе вещей и дѣяній; оно разлюбило духовность въ жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ разучилось любить, а научилось ожесточаться и ненавидѣть.

Въ наши дни большинство людей жаждетъ не духа, а наслажденій; трепещетъ не отъ совершенства и близости къ нему, а отъ земныхъ, чувственныхъ сладострастіи всѣхъ родовъ и видовъ, пресыщаясь ими и хладѣя ко всему иному. Но что еще замѣчательнѣй и фатальнѣй — человѣчество нашихъ дней выдвинуло соответствующія теории, ученія, доктрины, оправдывающія и обосновывающія такую жизнь. Таковы ученія: гедонизма, сводящаго смыслъ жизни къ наслажденіямъ, утилитаризма, успокаивающагося на пользѣ, экономического матеріализма, съ его классовой борьбой и равнымъ распредѣленіемъ земныхъ благъ и наслажденій, и т. д.

Но и это все могло бы быть не болѣе, чѣмъ тягостнымъ заблужденіемъ, временнымъ ослѣпленіемъ: если бы, на примѣръ, оказалось, что человѣчество ищетъ совершеннаго и только соблазнилось соблазномъ сладострастія, — подобно Одиссею, который стремится на свою родину и временно застреваетъ у нимфы Калипсо; или подобно паломнику, идущему въ Іерусалимъ и соблазнившемуся въ пути земными утѣхами. Мы не ригористы, не педанты и не изувѣры. Человѣкъ есть человѣкъ и не можетъ обойтись безъ человѣческаго.

Страшно иное: страшно то, что люди нашихъ дней не хотятъ иного, что они ожесточились въ отрицаніи духа и любви, что они создали воинствующій міровой центръ, хотящій словомъ и примѣромъ, лукавствомъ и преступленіемъ, мукой, нищетой, страхомъ и кровью навязать всему человѣчеству укладъ бездуховный и противолобовный, навязать всѣмъ людямъ слѣпоту безбожія и ожесточенность въ этой слѣпотѣ.

И еще страшно то, что человѣчество видитъ эту затѣю и въ большинствѣ своемъ безразлично молчитъ или предательски способствуетъ этой затѣѣ.

Вотъ гдѣ дно современнаго кризиса. Вотъ гдѣ раскрывается природа современнаго безбожія — въ его упоенной воинственности. И, видя это дно и эту воинственность, разумѣя всю опасность этого процесса и привѣтствуя разумомъ и волею, и сердцемъ всякую благородную попытку противостоять этому соблазну и остановить его побѣдное шествіе, — мы должны, мы призваны внутренне подготовить себя къ борьбѣ съ этимъ безбожіемъ, научиться побѣждать его духомъ и любовью — и въ себѣ, и въ другихъ, и уразумѣть его внутреннюю обреченность.

Объ этой-то обреченности я и поведу теперь рѣчь.

Глава вторая.

Все то, о чемъ я говорилъ до сихъ поръ, изслѣдуя нашу основную тему «Кризисъ безбожія», составляло какъ бы оборону. Нападеніе шло не отъ насъ. Нападеніе идетъ отъ безбожниковъ. Это они утверждали, что «вѣровать въ Бога глупо и вредно», а мы изслѣдовали ихъ базу, проникали въ ихъ тылъ, устанавливали слабыя мѣста ихъ фронта и наносили имъ парализующіе удары.

При этомъ мы установили слѣдующее:

1. Опытъ человѣка не единообразенъ, а многообразенъ.
2. Онъ долженъ вѣрно соответствовать воспринимаемому предмету.
3. Невѣрный актъ уводитъ отъ предмета, онъ не даетъ человѣку ни малѣйшаго права судить о предметѣ — есть онъ или нѣтъ его, и если есть, то каковъ онъ.
4. Богъ воспринимается духомъ и любовью, а современные безбожники отрицаютъ начало духа и любви.
5. Поэтому современные безбожники не могутъ судить о Богѣ; они слѣпы и безсильны; отрицаніе ихъ несостоятельно, а воинственность ихъ стремится навязать другимъ ихъ собственную слѣпоту.

Но все это лишь оборона.

Теперь довольно. Намъ пора самимъ перейти въ наступленіе. Въ этомъ наступленіи неизбежно будутъ двѣ стороны: сторона аргументовъ и сторона жизненныхъ поступковъ. И я думаю, что никто не будетъ сѣтовать на меня, если я сегодня буду говорить только объ аргументахъ.

Мы возвращаемъ безбожникамъ ихъ тезисъ:

— въ Бога вѣрить не глупо, а разумно и мудро;
— въ Бога вѣрить не вредно, а окрыляюще, благодатно и спасительно; отрицать же Бога преглупо и презловредно.

Почему? Потому что общеніе съ Богомъ есть

- главный источникъ творческаго вдохновенія;
- главная опора настоящей, истинной науки;
- главная основа чистой и могучей совѣсти;
- мѣсторожденіе окрыленнаго гениальнаго искусства;
- неколеблющійся фундаментъ благороднаго государственнаго и политическаго правосознанія;
- абсолютная основа характера;
- живой источникъ любви, доброты, жертвенности и социальности;
- величайшая гарантія волевой дисциплины и беззавѣтной храбрости.

Вѣра въ Бога есть главное и единственное, что можетъ освятить земной трудъ человѣка, осмыслить его строительство и его хозяйство, вдохнуть въ процессъ хозяйствованія духъ творчества, художества, качественности, духъ доброты, справедливости и щедрости. Русская пословица давно высказала это: «безъ Бога — ни до порога» и была права и мудра въ этомъ. И обратно: тамъ, гдѣ воцаряется безбожіе — изсякаютъ глубочайшіе и чистѣйшіе ключи духа, питающіе и освящающіе жизнь человѣка на землѣ.

Безбожіе означаетъ, что въ человѣкѣ изсякаетъ духовность и любовность: ибо тотъ, кто живетъ духомъ и любовью, тотъ не только видитъ Бога въ духовныхъ небесахъ, но несетъ Его въ самомъ себѣ.

Вотъ я выговорилъ сейчасъ самое важное, чего не понимаютъ безбожники. Они все думаютъ, что Богъ это какая-то внѣ насъ находящаяся вещь, сила или существо, которое противостоитъ человѣку своими строгими велѣніями и грозными запретами, и твердятъ, что такого существа нигдѣ нѣтъ. Они думаютъ, что вѣрующій человѣкъ противостоитъ своему Богу, трепеща, повинуюсь и заискивая передъ нимъ.

И не разумѣютъ главнаго, а именно: что Богъ есть Духъ, духовно вступающій въ человѣческую душу, озаряющій ее изнутри, освѣщающій ее, насыщающій ее Своею благодатною силою, очищающій ее, дарующій ей силу молитвы, терпѣнія, разумѣнія, покаянія, подвига, — власть видѣть, учить и вести. Этого сокровеннаго, но реальнаго и благодатнаго единенія человѣка съ Богомъ они понять не въ состояніи; и потому они не разумѣютъ того, что отрицаютъ и надъ чѣмъ издѣваются. Это единеніе человѣка съ Богомъ, составляющее самую глубокую и основную сущность вѣры, религіи и молитвы, я могъ бы пояснить совѣмъ просто такъ.

Есть нѣкій духовный законъ, владѣющій человѣческой жизнью. Согласно этому закону, человѣкъ неизбежно уподобляется тому, къ чему онъ прилѣпляется любовью, вѣрою и помыслами. Чѣмъ сильнѣе и цѣльнѣе его прилѣпленность, тѣмъ явственнѣе и убѣдительнѣе обнаруживается этотъ законъ. Это понятно: душа человѣка плѣняется тѣмъ, во что она вѣритъ, и оказывается какъ бы въ плѣну; это содержаніе начинаетъ господствовать въ душѣ человѣка, поглощаетъ ея силы и заполняетъ ея объемъ. Человѣкъ ищетъ своего любимаго предмета, занимается имъ явно и втайнѣ. Онъ медитируетъ о немъ — т. е. сосредоточенно помышляетъ о немъ всеми своими душевными силами. Вслѣдствіе этого душа вживается въ этотъ предметъ, а самый любимый и вѣруемый предметъ проникаетъ въ душу до самой ея глубины. Возникаетъ нѣкое подлинное и живое тождество: душа и предметъ вступаютъ въ тѣсное единеніе и образуютъ новое живое единство. И тогда мы видимъ, какъ въ глазахъ у человѣка сіяетъ или сверкаетъ предметъ его вѣры: то, во что ты вѣришь, сжимаетъ трепетомъ твое сердце, напрягаетъ въ минуту поступка твои мускулы, направляетъ твои шаги, прорывается въ словахъ и осуществляется въ поступкахъ.

Такъ обстоитъ всегда. Если человѣкъ вѣруетъ въ Бога или хотя бы въ божественное начало, проявляющееся въ земныхъ явленіяхъ и обстоятельствахъ, то божественныя содержанія становятся для него жизненнымъ центромъ — и въ созерцаніяхъ, и въ поступкахъ, чѣмъ-то важнѣйшимъ, главнѣйшимъ, любимымъ, искомымъ, желаннымъ и въ силу этого — всегда присутствующимъ въ душѣ обстояніемъ. Вѣровать въ Бога — значитъ стремиться къ созерцанію Его, молитвенно медитировать о Немъ, наполнять свою душу Его благою и совершенною волею. Отъ этого усиливается и разгорается божественный огонь въ человѣкѣ; онъ очищаетъ его душу и насыщаетъ его поступки. На высокихъ ступеняхъ такой жизни возникаетъ нѣкое живое и таинственное единеніе между человѣкомъ и Богомъ, о которомъ такъ вдохновенно писалъ Макарій Великій, характеризуя это единеніе какъ «срастаніе» или «сраствореніе», от котораго душа становится «вся свѣтомъ, вся окомъ, вся радостью, вся упокоеніемъ, вся любовью, вся милосердіемъ, вся благодію и добротою».

Это-то и имѣлъ въ виду апостолъ Павелъ, когда писалъ: «А соединяющійся съ Господомъ есть одинъ духъ съ Господомъ» (1 Кор. 6, 17).

Естественно, что отъ такого перерожденія души измѣняется и внѣшній видъ человѣка, о чемъ онъ самъ можетъ и не знать, но что видятъ или чувуютъ окружающіе его. Такіе люди легко узнаютъ другъ друга и отъ нихъ подлинно излучается сила и благодать Божія; а сами они становятся боговдохновенными людьми, будь они свя-

щенниками, художниками, учеными, воспитателями или государственными дѣятелями.

Такъ дѣйствуетъ этотъ законъ у вѣрующихъ людей.

Но онъ дѣйствуетъ и у безбожниковъ въ душѣ. Если человѣкъ вѣритъ только въ чувственныя наслажденія, принимая ихъ за главнѣйшее въ жизни, ихъ любя, имъ служа и предаваясь, — то онъ самъ неизбѣжно превратится въ чувственное существо, въ искателя земныхъ удовольствій, въ наслаждающееся бездуховное животное; и это будетъ выражаться въ его лицѣ и въ его походкѣ, смотрѣть изъ его глазъ и управлять его поступками. Если человѣкъ вѣритъ въ завистливое равенство, въ насилие, въ классовую ненависть и борьбу, то онъ неизбѣжно станетъ и самъ профессиональнымъ завистникомъ и ненавистникомъ, и въ глазахъ его выразится свирѣпость и кровожадность. Медитирующій о разбоѣ — становится разбойникомъ, медитирующій о саванѣ — получаетъ дьявольское выраженіе въ лицѣ и начинаетъ совершать дьявольскіе поступки.

Такъ дѣйствуетъ законъ духовнаго отождествленія черезъ вѣру.

А вѣрятъ всѣ люди. Вѣрятъ и безбожники, всѣ безъ исключенія. Только они вѣрятъ не въ Бога, какъ источникъ всякаго духовнаго совершенства, а въ земныя богопокинутыя, можетъ быть, богоотверженныя, сами себѣ довлѣющія обстоянія: они вѣрятъ въ механическую матерію, въ тѣлесныя потребности человѣка, въ бездуховную и аморальную природу людей, въ силу ненависти, въ творческую природу зависти, въ силу страха и голода; они вѣрятъ въ механическое порабощеніе людей, въ развратную любовь, въ возможность труда безъ свободной любви, безъ участія души, безъ творческаго вдохновенія; они вѣрятъ въ механическую вселенную, въ механическаго человѣка, въ механическое хозяйство и общество.

Они не понимаютъ, что органическое, свободное, любящее вдохновеніе есть первое условіе достойной, творческой жизни на землѣ; что это вдохновеніе есть дуновеніе Божіе въ человѣкѣ и его земной культурѣ; что вѣритъ, любить, вдохновляться и творить нельзя по принужденію, но только свободно; что Божіе дѣло есть живое и свободно органическое, а дѣло ненависти, зависти, страха, механическаго порабощенія и всезатопляющей лжи есть дѣло діавола, дѣло обреченное, провальное, гибельное.

И то, о чемъ они день и ночь медитируютъ, то, чѣмъ они одержимы, чему служатъ, тотъ духъ, съ которымъ они вступаютъ въ единеніе, есть духъ гибели, распада, смерти, крушенія. Они первые и впервые развернули въ исторіи человѣчества этотъ духъ и этотъ путь.

Они вызвали его кризисъ — кризисъ безбожія: его максимальнаго подъема и его всесвѣтнаго обличенія. И этотъ-то кризисъ мы нынѣ и переживаемъ...

Вѣра въ Бога, сказалъ я только что, есть главный источникъ вдохновенія. Почему это такъ?

Потому что вдохновеніе есть состояніе духовное, напряженіе духа, подъемъ духа; и напрасно у насъ по обывательски называютъ вдохновеніемъ всякое «воодушевленіе».

Духъ есть любовь къ качеству, и воля къ совершенству — во всѣхъ областяхъ жизни: въ наукѣ, въ искусствѣ, въ политикѣ. Не всякое воодушевленіе — вдохновенно: одушевиться можетъ и шулеръ, и бандитъ, и палачъ, но вдохновеніе имъ недоступно. Не всякая одержимость — духовна: въ одержимость можетъ впасть и разбойникъ, и садистъ, и сумасшедшій; но творческое вдохновеніе имъ недоступно.

Творческое вдохновеніе родится изъ любви къ совершенству и воли къ качеству; оно есть воля къ совершенному созданію; его нельзя предписать, оно приходитъ только въ божественной свободѣ. Оно есть состояніе свободной духовной любви, творчески напрягающей всѣ силы человѣка. Вотъ почему вдохновеніе такъ близко къ молитвѣ и къ подвигу. Оно есть вѣяніе силы Божіей въ насъ. И именно поэтому такъ плоски, такъ мертвы, такъ штампованно-механичны, такъ безвдохновенны и бесплодны проявленія безбожниковъ: пошлы и тривиальны ихъ книги, механичны и мертвенны ихъ картины, штампованны и плоски ихъ рѣчи, искусственно-фальшивы ихъ паѳосъ, бесплодны, обманны, декоративно-рекламны ихъ труды и созданія.

Безбожное человѣчество есть безвдохновенное человѣчество. И нынѣ мы переживаемъ его кризисъ.

Я сказалъ далѣе, что вѣра въ Бога и общеніе съ Богомъ есть главная опора настоящей, истинной науки.

Почему? Во-первыхъ, потому, что наука есть дѣло вдохновенія. Все великое, все перевертывающее, глубокое создано вдохновенными людьми, людьми, которые воспринимали науки какъ отвѣтственное служеніе, которые духовно любили свой предметъ и духовно изумлялись его красотѣ, сложности, богатству; людьми, которые видѣли въ мірѣ не плоскую машину, скудную, простую и убогую, какъ ихъ разсудокъ, но живую, сложную, сокровенную тайну. Я хочу этимъ сказать, что истинный ученый не только не отрицаетъ тайну мірозданія, но постоянно созерцаетъ ее. Я хочу сказать больше: истинная наука рационалистична только по завершающему, послѣднему орудію своему, по мысли, но основной предпосылкой ея является чувство тайны, чувство любви, чувство преклоненія, чувство восторга передъ совершенствомъ.

Одинъ изъ глубокомысленнѣйшихъ историковъ XIX вѣка Томасъ Карлейль высказалъ это прямо: «Человѣкъ вообще не можетъ знать, если онъ не молится чему-то въ опредѣленной формѣ. Нѣтъ этого — и всѣ его знанія оказываются пустымъ педантствомъ, сухимъ чертополохомъ».

Карлейль правъ по самому существу дѣла. И если наша земная наука совершила столь великое за нѣсколько сотъ лѣтъ, то лишь потому, что ея величайшіе умы были вѣрны этому требованію и завѣту. Вотъ нѣсколько доказательствъ тому.

Коперникъ пишетъ: «Созерцаая мысленно великолѣпный порядокъ мірозданія, управляемый съ Божественной Премудростью, кто не почувствовалъ бы, что постоянное созерцаніе его и, такъ сказать, интимное общеніе съ нимъ, возводятъ человѣка къ Высшему и къ восхищенію передъ всезидущимъ Строителемъ вселенной, въ Которомъ пребываетъ высшее блаженство и Который есть вѣнецъ всякаго добра».

Бэконъ утверждаетъ: «Только поверхностное знаніе природы можетъ увести отъ Бога; напротивъ, болѣе глубокое и основательное ведетъ насъ назадъ — къ Нему».

Галилей записалъ: «И Священное писаніе, и природа исходятъ отъ Божественнаго Слова; первое — какъ внушеніе Святого Духа, вторая — какъ исполнительница Божіихъ велѣній».

У Кеплера находимъ: «Въ твореніи — я касаюсь Бога, какъ бы руками».

У Бойля читаемъ: «Истинный естествоиспытатель нигдѣ не можетъ проникнуть въ познаніе тайнъ творенія безъ того, чтобы не воспринять Перстъ Божій».

Дюбуа-Раймонъ говоритъ: «Только божественному всемогуществу можемъ мы достойно приписать, что оно до всякаго представимаго времени создало всю матерію посредствомъ творческаго акта».

Подобныя сужденія мы находимъ почти у всѣхъ великихъ создателей современнаго естествознанія.

То, что создала наша наука, есть порожденіе искренней, хотя иногда и прикровенной, религіозности. Великій ученый есть вдохновенный ученый, вдохновенно вѣрующій въ Бога и созерцающій тайны Его міра. Истинная наука не только не исключаетъ вѣру въ Бога, но предполагаетъ ее въ душѣ человѣка. Вѣра даетъ ученому:

творческое изумленіе (Аристотель),
живое чувство тайны,
истинную отвѣтственность,
подлинную осторожность въ сужденіяхъ,
предметную скромность,
волю къ подлинной истинѣ,
силу живого созерцанія.

Ученый, который воображаетъ, подобно современному безбожнику, будто все просто такъ, какъ его плоская мысль, и будто онъ все понялъ и объяснилъ нѣсколькими матеріалистическими схемами, есть жалкая карикатура на ученаго; ничего онъ не создастъ, кромѣ обезьяней и рабской «науки».

Только «полунаука» (Достоевскій) уводитъ отъ вѣры; истинная наука предполагаетъ ее и возвращаетъ къ ней.

Я сказалъ далѣе, что общеніе съ Богомъ есть главная основа чистой и могучей совѣсти, а потому и всей человѣческой нравственности и добродѣтели.

И дѣйствительно, всѣ великіе учителя добра свидѣтельствовали о томъ, что они воспринимали голосъ совѣсти какъ гласъ Божій въ душѣ человѣка. Пусть не думаютъ, что это была «иллюзія». Но если кто-нибудь захочетъ настаивать на этомъ скептическомъ предположеніи, то онъ долженъ помнить, что онъ обязанъ провѣрить его въ подлинномъ опытѣ совѣсти. Иначе его сомнѣніе будетъ лишено серьезнаго значенія.

Если кто-нибудь ходитъ по берегу, а въ воду не вступаетъ, то врядъ ли стоитъ выслушивать его замѣчанія о томъ, что «вода, можетъ быть, не мокрая, а сухая». Подобно этому провѣрить и удостовѣрить божественную природу совѣсти можно, только вступивъ въ возмущенныя ангеломъ воды совѣстной купели. Только душа, окунувшаяся въ эти благодатныя воды, способна судить о божественности и божественности совѣстнаго гласа.

Кто вступаетъ въ нѣдра совѣсти, тотъ испытываетъ силу и благодатность дуновенія Божія. Отъ этого дуновенія у него подъемятся власы и священный хладъ сковываетъ уста его. Съ огнемъ въ сердцѣ и съ онѣмѣвшими устами, теряя себя въ таинственныхъ изволеніяхъ своей совѣсти, онъ начинаетъ безошибочно чувствовать, въ какую сферу онъ вступилъ и къ какому порядку онъ приобщился.

Это не случайно, что безбожники отвергаютъ вмѣстѣ съ Богомъ и вѣрою и начало совѣсти, и самое различеніе добра и зла. Опытъ совѣсти неминуемо увелъ бы ихъ къ Богу. Видѣніе Бога неизбежно привело бы ихъ къ совѣсти. Ибо совѣсть есть начало духовной любви, не ошибающейся въ своемъ видѣніи, а духовная любовь есть единственно вѣрный путь къ Богу. Совѣсть есть начало духовной свободы и само-

дѣятельности въ человѣческой душѣ, начало божественнаго освобожденія человѣка отъ всѣхъ земныхъ корыстей и страховъ, а это начало непріемлемо сынамъ погибели и ненавистно имъ.

Противопоставляя далѣе наше религіозное пониманіе міра позиціи современнаго безбожія, я сказалъ, что воспріятіе Бога есть подлинное мѣсторожденіе всякаго окрыленнаго, геніальнаго искусства.

Поистинѣ нѣтъ, не было и не будетъ великаго искусства безъ вдохновенія — ни поэзіи, ни живописи, ни музыки, ни архитектуры. Вдохновеніе же есть состояніе не мутной взволнованности страстей, не тѣлеснаго томленія или возбужденія, но состояніе предметной чуткости и зоркости, состояніе восторга передъ раскрывшейся тайной и отстоявшейся глубиной. Во вдохновеніи человѣкъ духовно призираетъ божественное обстояніе.

Корни художественнаго искусства заложены въ той глубинѣ человѣческой души, гдѣ проносятся вѣянія Божьяго присутствія. Пусть поэты, выражаясь условно и аллегорически, относятъ эти вѣянія къ «музамъ», къ «Аполлону» или къ инымъ язычески поименованнымъ «небожителямъ»... Пусть встрѣчаются великіе поэты, живописцы и музыканты, которымъ не удалось церковно оформить свое художественное общеніе съ Богомъ... Это остается ихъ личной неудачей. Ихъ искусство же, если оно дѣйствительно велико и глубоко, всегда носитъ въ себѣ слѣды вѣянія Божія, Его присутствія, Его благодати. И не только тогда, когда они заимствуютъ свои темы и сюжеты изъ сферы религіозно-церковнаго опыта, но и тогда, когда они пишутъ на «свѣтскіе» темы и сюжеты.

Истинное, художественное искусство почерпаетъ свой Предметъ изъ религіозной глубины, изъ сферы вѣяній Божіихъ, даже и тогда, когда рисуемые имъ образы природы и людей не содержатъ во внѣшней видимости ничего церковнаго и религіознаго. Великіе художники знаютъ это. Они знаютъ также, что самое вдохновеніе ихъ священно и божественно. Вотъ откуда у Пушкина это точное описаніе художественнаго наитія:

Но лишь божественный глаголь
До слуха чуткаго коснется,
Душа поэта встрепенется,
Какъ пробудившійся орель.

Вотъ откуда этотъ стонъ у Микеланджело:

О Боже, Боже, Боже!
Ты, который могъ бы во мнѣ больше, чѣмъ могу я самъ...

Вотъ откуда эти молитвенные вздохи у Фета:

Я — ничего я не могу;
Одинъ лишь можетъ, Кто, могучій,
Воздвигъ прозрачную дугу
И живописныя шлетъ тучи...

Знають ли это безбожники? Они знают это съ чужихъ словъ и не придаютъ этому никакого значенія. И именно поэтому они пытаются замѣнить свободное вдохновеніе — «соціальнымъ заказомъ», подкрѣпленнымъ силою страха и награды. Но не родится вдохновеніе изъ страха и расчета. И потому ихъ «искусство» безвдохновенно и мертво. И не отзывается вдохновеніе на заказанныя темы злобы, ненависти и доноса. И потому созданія ихъ — порочны, пошлы и убоги.

Настоящая художественная «форма» родится изъ предметной тайны, изъ диктуемой ею глубокой, предметной необходимости. Нельзя выдумать такую «форму» по заказу или вымучить ее изъ себя со страху. Вотъ почему «безбожное искусство» есть внутреннее противорѣчіе, жизненная нелѣпость, глупость діавола, непонятая имъ самимъ. И именно поэтому оно обречено вмѣстѣ со всѣмъ остальнымъ безбожіемъ.

Я сказалъ еще, что вѣра въ Бога есть абсолютная основа духовнаго характера въ человѣкѣ, источникъ доброты, жертвенности, истинной «соціальности», дисциплины и храбрости.

Въ самомъ дѣлѣ, истинный характеръ выражается не только въ волевой силѣ человѣка: за этою силою могутъ укрываться элементарныя и низменныя страсти, ожесточившіяся и одержавшія душу дурной и слѣпой одержимостью. Но истинный характеръ имѣетъ природу не животную, а духовную; и страсть, насыщающая его, не есть страсть элементарнаго инстинкта, но страсть духовной любви; и выборъ, ведущій его и указывающій ему цѣль, — не слѣпъ, а зрячъ. Идея «характера» говоритъ не только о силѣ воли, но и о вѣрности избранныхъ ею содержаній и о благородствѣ и искренности избравшаго ихъ сердца. Злое упрямство не есть характеръ; слѣпая, неистовая свирѣпость свидѣтельствуетъ о слабости духа; это есть рабствованіе дурнымъ страстямъ, страстная безхарактерность...

Истинный характеръ есть духовный характеръ. Онъ говоритъ не просто о «силѣ» или «единствѣ» душевнаго уклада, но о его качествахъ, зрячествѣ и преданности за совѣсть. Словомъ, онъ свидѣтельствуетъ о господствѣ Божьяго Духа въ жизни человѣка. Только такой человѣкѣ имѣетъ то Главное, изъ-за чего и ради чего онъ живетъ, исходя изъ него во всѣхъ своихъ поступкахъ и связуясь съ нимъ по главному, центрально и безусловно.

Такой человѣкѣ знаетъ, что ему стоитъ жить, потому что онъ знаетъ, что за это стоитъ ему и умереть. Характеръ его есть школа предметности, въ которой онъ самъ является и воспитателемъ, и воспитанникомъ. Характеръ его питается предметною любовью къ людямъ и вызываетъ къ жизни ту особую духовную доброту и соціальность, которая оказывается свободной и отъ сентиментальности, и отъ лицемѣрія. Имѣя въ своей совѣсти безошибающійся критерій добра и зла, такой человѣкѣ знаетъ, чѣмъ и чему можно пожертвовать и чѣмъ вообще жертвовать нельзя. Онъ самъ является центромъ живого самоуправленія и дисциплины, а вѣра въ Бога даетъ ему силу истинной неустрашимости.

Вотъ почему у безбожныхъ людей нѣтъ и не бываетъ характера; ихъ злая и страстная воля, ихъ раскаленная одержимость, ихъ каменѣющее упрямство, ихъ тупое одноуміе, ихъ сердечная черствость, какимъ бы «душевымъ равновѣсіемъ» все это ни сопровождалось, не есть характеръ. Ибо истинный характеръ есть смертная вѣрность духовному, т. е. божественному началу; онъ есть сила духовной любви, а это-то имъ и недоступно.

Я сказалъ далѣе, что вѣра въ Бога есть истинный фундаментъ благороднаго правосознанія.

Почему это так? Потому, что право по самому глубокому существу своему есть атрибут не инстинкта, а духа; иными словами, оно есть форма жизни не одушевленного животного, а одухотворенного и поэтому нуждающегося въ свободѣ и самодѣтельности существа. Инстинктъ имѣется и у животныхъ, но они лишены правосознанія и не могутъ быть субъектами права. Субъектъ правосознанія и права есть разумный и духовный личный центръ, способный къ внутреннему самообладанію и самоуправленію. Это духовный организмъ, имѣющій въ своемъ внутреннемъ мірѣ критерій добра и зла, должнаго и недолжнаго, позволеннаго и запретнаго, и способный руководить своей внутренней и внѣшней жизнью. Это духовная личность, способная имѣть родину, любить ее, служить ей, бороться за нее и умирать за нее. А это значить, что субъектъ права и правосознанія вырастаетъ изъ того глубокаго и священнаго слоя души, гдѣ господствуютъ вѣянія Божіи, гдѣ душа человѣка и Духъ Божій пребываютъ въ живомъ соприкосновеніи, въ таинственномъ и благодатномъ единеніи.

Напротивъ, безбожникъ — это человѣкъ, отвергающій въ себѣ этотъ таинственный источникъ священнаго, это «духовное мѣсто» откровеній, зововъ и молитвъ, всю эту сферу предметнаго предстоянія. Вотъ почему онъ презираетъ свободу и попираетъ право, извращаетъ государственную жизнь, отрицаетъ родину, тянетъ къ интернаціонализму и проповѣдуетъ предательство своей страны.

У вѣрующаго человѣка все это обстоитъ иначе. Вѣра въ Бога есть для него начало «жизни по Божьему», начало правовой совѣсти, лояльности, уваженія къ праву и свободѣ; начало ранга, дисциплины и служенія; начало патріотическаго и государственнаго вдохновенія. Именно эту связь и эту мысль съ классической простотой выразилъ у Достоевскаго «одинъ сѣдой бурбонъ капитанъ», которому Петръ Верховенскій сталъ проповѣдовать безбожіе: «Если Бога нѣтъ, то какой же я послѣ этого капитанъ?» («Бѣсы»). Это мысль не только цѣльная, но и предметно вѣрная. Потому что Богъ есть источникъ всего духовнаго на землѣ, а слѣдовательно, и патріотизма, и лояльности, и дисциплины, и ранга, и служенія; и всѣ эти необходимые и драгоцѣнные атрибуты духа пріемлются вѣрующимъ не изъ страха и расчета, а въ порядкѣ добровольнаго самовмѣненія.

Право и государство безъ правосознанія — невозможны и нелѣпы, а безбожники попираютъ правосознаніе, разлагаютъ и отрицаютъ его. Поэтому все, что они создаютъ подъ видомъ и подъ именемъ «государства», есть мертворожденное построение; механизмъ страха и рабства; каторга безправія, произвола и принужденія; система униженія; «политическая» декорация для обмана подслѣповатыхъ путешественниковъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что исторія произнесетъ надо всѣмъ этимъ свой судъ.

Однако современный кризисъ ведетъ насъ еще дальше и показываетъ намъ судьбу безбожнаго хозяйства.

У человѣка всегда была потребность осмыслить и освятить свой хозяйственный трудъ на землѣ: связать его съ высшей жизненной цѣнностью, поставить ему великую и благородную цѣль, пропитать хозяйствующую душу — памятью о Богѣ и о Его заповѣдяхъ. Это — потребность здоровая и мудрая. Она стремится утвердить хозяйственный трудъ, какъ дѣло доброе, какъ дѣло служенія, — не дать ему превратиться въ машинную суету, въ суетную толкотню, въ жадное рвачество, въ жестоковѣйшую эксплуатацію человѣка человѣкомъ... Она стремится связать трудъ и движущій его инстинктъ самосохраненія съ духомъ и вдохновеніемъ, построить его на

любви къ природѣ и ближнимъ, осмыслить его какъ художественное формированіе внѣшнихъ вещей. Она стремится породнить человѣка съ природой, съ ея величавой мѣрностью, съ ея сокровенной красотой, съ ея таинственной цѣлесообразностью и органичностью. Она стремится соединить въ хозяйствѣ расчетливый инстинктъ съ сердечной добротой, умѣрить жадность любовью, исцѣлить скупость щедростью, связать хозяйствующихъ людей — по-Божьи, совѣстью, солидарностью, состраданіемъ, взаимопомощью.

Было время, когда многимъ казалось, что современный социализмъ, а можетъ быть, и коммунизмъ, призваны оправдать и осуществить все это лучше, чѣмъ это удалось доселѣ христіанскому обществу. Нынѣ, послѣ того, какъ безбожіе развернуло свою жизненную программу и свой способъ строительства, всѣ начали понимать, насколько вредны и безперспективны были эти надежды. Не носящій Бога въ своемъ сердцѣ и не видящій божественнаго начала въ своихъ ближнихъ можетъ создавать только механическое общество и механическое хозяйство. Безбожное хозяйство строится не на духѣ и не на естественномъ инстинктѣ человѣка, а на отвлеченной выдумкѣ и на принужденіи, на искусственно создаваемой всеобщей повальной нищетѣ и зависимости, на механическомъ рабствѣ и на страхѣ передъ насилующимъ центромъ.

Въ такомъ хозяйствѣ человѣкъ превращается въ голое средство, въ машину, въ ограбленнаго раба; человѣкъ человѣку становится эксплуататоромъ и убійцей.

Нынѣ безбожіе показало себя и въ этомъ отношеніи. Лицо его нынѣ ясно всѣмъ, кто способенъ еще видѣть. И кризисъ безбожнаго хозяйства развертывается на нашихъ глазахъ.

Вотъ что даетъ намъ основаніе говорить о кризисѣ современнаго безбожія. Вотъ что даетъ намъ право и обязанность вернуть ихъ укоръ и обличеніе и сказать: вѣрять въ Бога — мудро и спасительно, отвергать Бога — неумно и погибельно.

Ибо безъ Бога — вся культура человѣчества теряетъ свой смыслъ и свое значеніе. И если она не сокрушается сразу и во всѣхъ отношеніяхъ, то только потому, что пассивное безвѣріе способно долгое время держаться сокровеннымъ дыханіемъ Божественнаго начала, вошедшимъ въ человѣческую душу и ведущимъ ее въ порядкѣ некультивируемой и часто незамѣчаемой, но по-прежнему живоносной традиціи. Вѣры уже нѣтъ, но укладъ души, созданный, воспитанный и облагороженный христіанскою вѣрою тысячелѣтій, живетъ и дѣлаетъ свое дѣло. Къ быстрому, стихійно-катастрофическому крушенію ведетъ только то безбожіе, которое имѣетъ дерзаніе быть самимъ собою, которое послѣдовательно осуществляетъ активное и воинственное безвѣріе; безвѣріе и антихристіанство. Тогда убивается въ людяхъ вдохновенное, подавляется и пресѣкается напряженіе ихъ богоданнаго, естественнаго инстинкта, извращается наука, мертвѣетъ совѣсть, выдыхается искусство, разлагается характеръ, вырождается правосознаніе и распадается хозяйство.

Лѣтъ двадцать тому назадъ было бы труднѣе доказывать все это въ предвидѣніи грядущихъ или возможныхъ событій; но нынѣ, когда поистинѣ самые факты вопіютъ о себѣ, намъ остается только указывать на нихъ, дѣлать выводы и подводить итоги. И когда, мы и понынѣ еще слышимъ голоса, что-де «въ нашъ вѣкъ культуры и просвѣщенія странно и смѣшно говорить о Богѣ», — то намъ сразу становится понятнымъ, изъ какого душевнаго уклада и міросозерцающаго акта (пассивное, непослѣдовательное безбожіе) говоритъ этотъ голосъ и къ какому лагерю онъ принадлежитъ изъ тѣхъ двухъ великихъ становъ, на которые распалось современное

человѣчество... Это люди, которые не разумѣютъ главнаго, а именно: что культура и просвѣщеніе созданы боговдохновеннымъ актомъ и создаются и понынѣ боговдохновенными людьми; что и въ культурѣ, и въ просвѣщеніи пассивные, непослѣдовательные безбожники всегда будутъ лишь трутнями, а активные, послѣдовательные безбожники всегда будутъ лишь разлагателями и разрушителями.

Кризисъ безбожія состоитъ въ томъ, что неисповѣдимыми путями Божиими — безбожникамъ данъ просторъ выявить лицо свое и послѣдовательно показать себя на дѣлѣ.

Они это и сдѣлали.

И всѣ, у кого есть глаза, чтобы видѣть, и уши, чтобы слышать, и кто далъ себѣ трудъ вникнуть въ событія нашихъ дней и уразумѣть ихъ,— всѣ постигли или вотъ постигаютъ смыслъ этого кризиса; они поняли и то, что истинная культура создается только трудолюбивымъ вдохновеніемъ и боговдохновеннымъ трудомъ, и то, что безбожники всегда будутъ лишь трутнями и разрушителями культуры.

Всѣ ли выполнили это? Всѣ ли постигли?

Знаю, что не всѣ, далеко не всѣ, что одни не умѣютъ совершить это, а другіе не хотятъ дѣлать этого.

Но знаю также и вѣрю, что неумолимая исторія, таинственно ведомая Божиимъ перстомъ, заставитъ неуразумѣвшихъ страдать до прозрѣнія, заставитъ упорныхъ и слѣпыхъ трепетать трепетомъ послѣдняго страха и покаянно искать путей къ Богу.

Человѣчество стоитъ передъ новыми путями въ исторіи своего духа. Совершились нѣкіе сроки. Оборвались и обрываются старые пути. Есть только два исхода: или въ бездну, или къ перерожденію и обновленію духовно-религіознаго акта.

Въ этомъ смыслъ современнаго кризиса безбожія.